

Практика

УМЕСТНОСТЬ РЕЧИ, ИЛИ ДИАГНОСТИРУЕМ СОБСТВЕННЫЕ РЕЧЕВЫЕ ОШИБКИ

А.А. Мурашов

Каждое дело, даже самое интересное, может показаться ненужным и лишним, а каждый подарок, который мы делаем, принесет только разочарование, если сделано это неуместно.

• диалог • приветствие • прощание • обращение к собеседнику • требование, приказ • вопрос • исправление ошибки

*«Как в жизни, так и в речи
нет ничего труднее,
как видеть, что уместно».*

Цицерон

Если на городском спортивном празднике сделать доклад (вспомним незабвенного Огурцова из «Карнавальской ночи» или генералов Салтыкова-Щедрина), то, оказавшись этот доклад хоть сверхинтересным, аудитории у нас не будет. Если, отправившись с ребятами в поход, собраться у костра и предложить им отвечать домашнее задание, — едва ли они сочтут такое предложение серьезным. А как... Как объяснить итальянцу значение русского слова

«блин»? Ситуация, воссозданная Н. Тэффи, доказывает, что если рассуждать правильно, точно, конкретно, но не пытаться говорить уместно, то вместо понимания лишь усилится отчуждение.

«Мы замолчали и чувствовали, как между нами и милыми итальянцами, полчаса назад восторгавшимися нашей родиной, легла глубокая темная пропасть взаимного недоверия и непонимания. Они переглянулись, перешепнулись. Жутко стало.

– Знаете что, господа, неплохо у нас как-то насчёт блинов выходит. Они нас за каких-то вралей считают.

Положение было не из приятных.

Но между нами был человек основательный, серьёзный — учитель математики.

Он посмотрел строго на нас, строго на итальянцев и сказал отчётливо и внятно:

– Сейчас я возьму на себя честь объяснить вам, что такое блин. Для получения этого последнего берется окружность в три вершка в диаметре. Пи-эр квадрат заполняется массой из муки с молоком и дрожжами. Затем все это сооружение подвергается медленному действию огня, отделенного от него железной средой. Чтобы сделать влияние огня на пи-эр квадрат менее интенсивным, железная среда покрывается олеиновыми и стеа-

риновыми кислотами, то есть так называемым маслом. Полученная путем нагревания компактная тягуче-упругая смесь вводится затем через пищевод в организм человека, что в большом количестве вредно.

Учитель замолчал и окинул всех торжествующим взглядом. Итальянцы пошептались и спросили робко:

– А с какою целью вы все это делаете?

Учитель вскинул брови, удивляясь вопросу, и ответил строго:

– Чтобы весело было!»

(Тэффи Н.

Блины // Ностальгия: Рассказы. Воспоминания. Л., 1989. С. 85)

Конечно, слушателей интересовал не химический состав блинов (ведь главное — «Чтобы весело было!»), не кислоты в составе масел, а собственно русские блины, как интересовали бы они любого человека, пришедшего на масленичные потехи. Он ведь не будет допытываться о химической структуре блинов... А если будет, — ему окажется не до потех, и не потому, что блины плохи: просто цель таких расспросов другая. Всё имеет право на существование, но должно быть уместным, чтобы не оказаться глупым.

Уместность речи — её соответствие ситуации, аудитории, жанровым особенностям, рече-

вому этикету. Так, наши потомки будут ассоциировать со словом «Балчуг» один из роскошных отелей Москвы, однако само слово «балчуг» переводится как «топкое, грязное болотистое место», и столетия назад, когда строили здание, такое название гостиницы показалось бы неуместным. Но главное для оценки уместности речи — её соответствие требованиям этикета. Его мы рассмотрим на примере не только индивидуальной беседы, но и общения публичного.

Всякое вхождение в диалог предполагает в качестве начала *приветствие* — обращаемся ли мы к другу, к продавцу в магазине или к незнакомому человеку, у которого хотим узнать дорогу. «Здравствуйте!» — пожелание здравствовать, и это пожелание требует соответствующей интонации, располагающей к диалогу или просто констатирующей мгновенную встречу на улице. Приветствие — первый этикетно определённый элемент нашего взаимодействия с любым собеседником. Н.И. Формановская и Г.Г. Соколова подчеркивают стилистическое разграничение нейтрального «*Здравствуйте!*» и «более избирательного и вежливого» «*Добрый день*». Во французском речевом этикете формула «*Доброе утро!*» употребляется до 10 часов утра, «*Добрый день!*» — до шести ча-

сов вечера, позднее — «*Добрый вечер!*». «*Добрый день!*» — ещё и своеобразное напоминание о том, что начат рабочий день, что у нас есть что-то важное и интересное, чем предстоит заняться. Перформативное (т.е. в самом глаголе предполагающее действие) «*Приветствую!*» и эмоционально-характеризующее «*Рад вас приветствовать (видеть)!*» — формы, более соответствующие диалогическому поведению. Что же касается перформативов вообще («*говорю*», «*требую*», «*прошу*», тем более чрезмерно экспрессивное «*заклинаю*»), — они, будучи соединением речи и действия, утяжеляют речь, не внося никакой дополнительной информации.

Приветствуя собеседника, необходимо смотреть ему в глаза, давая понять, что мы готовы к общению, что нас интересует в данный момент тот, с кем мы говорим.

В речи перед аудиторией (в структуре школьного урока, например) приветствие — структура максимально короткая, но вовсе не исключаяющая содержательного наполнения. Кроме того, первая фраза задаёт определённый пафосный настрой всему общению, определяет его коммуникативную стилистику. При нацеленности на деловое общение уместно подчеркнуть официальное: «*Здравствуйте*»; обращение

Практика

неформальное требует соответствующей фразы, если, конечно, мы не боимся, что неформальность перерастет в фамильярность. Так рождаются обращения к аудитории: *«Приветствую неутомимых исследователей», «Приветствую вас, путешественники в страну Биологию».*

Вполне уместны такие формы: *«Рада вас приветствовать», «Уверен, что и сегодня приветствую интересных людей и подлинных знатоков», «Добрый день!»* («утро» расхаживает: будем помнить, что наступил рабочий день). Учитель химии «задевает» ребят знаковой характеристикой, формулирующей потенциальное как состоявшееся, и обещанием интересной работы: *«Здравствуйтесь, алхимики. Будем продолжать творить волшебные превращения».*

«Рад видеть отважных первопроходцев во времени». Это тоже приветствие. *«Давно я ждал этой встречи: целые сутки думал о преодолении нашей проблемы. Но начнём с ваших собственных открытий!»* — само слово «здравствуйтесь» подразумевается как в семантике обращения, так и в его интонации.

В общении с аудиторией приветствие не просто момент экспозиции, но и нацеливание на определённый вид деятельности, оценка изначального ха-

рактера отношений говорящего и слушателей. Собранным важно почувствовать, что их не просто приветствуют, не просто осуществляют позитивное речевое воздействие (*Л.Л. Левшин*), но что каждый — в фокусе внимания говорящего, каждый может оказаться его возможным собеседником. Приветствие должно выражать радость по поводу встречи — и в словах, и в характерной, уместной в этой ситуации интонации.

Прощание может быть сформулировано так: «До свидания!», «Всего доброго». Разговорно-эллиптическое «Пока» уместно лишь в общении близких знакомых и предполагает скорую встречу, т.е. мы «пока» расстанемся, ненадолго, что зафиксировано в самой формулировке.

Обращение к собеседнику всегда зависит от возраста обоих, от социального положения, от характера взаимоотношений. Социальные коллизии накладывают отпечаток и на характер обращения. Обращаясь к одному человеку и к целой аудитории, нужно подобрать уместные речевые формы. Так, в школьном классе «ребята» звучит с большим уважением и признанием зрелости, чем «дети»; в то же время в начальных классах второе обращение кажется более «материнским». Уместно ли обращение «друзья

мои»? Лишь в том случае, когда аудитория на это право говорящему — наверняка более старшему или опытному, имеющему право на снисходительность; обратившийся так незнакомый человек выстраивает между собой и аудиторией барьер общения, переступить который будет непросто. Вообще обращение к «друзьям» уместно лишь в устах немолодого человека, и лишь тогда, когда перед ним те, кто видит в нем наставника, имеющего право считаться старшим другом. Вспомним Вещего Олега, обращающегося к воинам:

Вы, отроки-друзи, возьмите коня...

Отроки — дети, а также воины, для которых князь был «отцом» (*царь-отец, князь-батюшка* — распространённые фольклорные формы обращения). Но у князя была именно *дружина* — союз друзей, готовых вместе стоять за общее дело. В «Слове о полку Игореве» герой произносит, обращаясь к войску: *«Братие и дружино! Лице жь бе потяту быти, неже полонену быти, а всядемь, братие, на свои брѣзья комони да позримь синего Дону»*. Обращается князь к *братьям* и *друзьям*; войско нашими предками рассматривалось в качестве друзей. И не случайно в этимологических исследованиях слово «друг» родственно иноязычным древним формам

слов «спутник», «товарищ», «муж», а также «отряд воинов», «совершать». Современный воинский этикет также не усвоил обращение «господа», пытающееся вернуться в русскую речь; военные друг другу — товарищи, что соответствует традиции наших предков. Воинский этикет всегда был индикатором хорошего тона, образованности, точной и ясной речи; а на передовой сражаются друзья, товарищи, и за *друзей*, а не за *господ*.

Самыми первыми «товарищами» друг другу были купцы; их группы, караваны или баржи объединялись общим *товаром* (отсюда «товарищ»); впоследствии все, кто чувствовал свою принадлежность к группе объединённых общим делом людей, называли собеседников «друзьями» (дружиной) или «товарищами». Слово «господа» несёт по-прежнему оттенок эксклюзивности, отстранённости: «господином» может быть только посторонний. Это вежливое обращение, не предполагающее, однако, душевного равнодушия и дружеского участия.

Интернет-издание «Школа жизни» сообщает об обращении «гражданин»: *«Лучший вариант... Мы ведь все граждане своей страны, а некоторые ещё и других стран одновременно. Вспомним Маяковского: «Читайте, завидуйте, я — гражда-*

Практика

нин...» Вы скажете, что уж слишком официально это — называть незнакомых людей «гражданин» и «гражданка». Прямо как сотрудники правоохранительных органов».

«Милостивый государь» или «сударь» — архаизированные этикетные формулировки, к тому же характерные когда-то для противников на дуэли: сегодня они не применяются. Есть и ещё специфические особенности в употреблении обращения «сударь», о которых пишет В.А. Солоухин:

«...Обращение «сударь» и «сударыня» могут употребляться только при личном обращении к человеку, только в единственном числе и только в первом лице. Можно сказать «сударь, вы хорошо выглядите» или «сударыня, вы уронили перчатку», но нельзя говорить, «ко мне вчера заходил сударь Петров» или «у сударыни Ивановой случилась пропажа». В этих случаях надо употреблять слова «господин» и «госпожа». «Господин Сидоров говорил мне то-то и то-то», «Госпожа Терентьева обещалась мне позвонить». К девушкам обращались «барышня».

То же самое и с множественным числом. Не совсем правильно говорить: «Ну, судари, как дела?» Или обращаться к собранию: «Судари и сударыни!» — нельзя. Раньше говорили либо «господа», либо «милостивые го-

судари и милостивые государыни», либо «дамы и господа».

Что касается обращения, то нелишне напомнить: «милостивым государем» нередко начинался вызов на дуэль, а «дорогие друзья» могут вовсе не претендовать на эту завидную роль».

Как обратиться к людям — слушателям или собеседникам — на «вы» или на «ты»? На первый взгляд, проблемы не существует: «Обращение на «ты», имеющее в русском языке длительную историю, особенно многозначно и выразительно, — пишет Т.С. Коготкова. — Оно может означать, с одной стороны, дружески интимное расположение, существующее между людьми близкими... Вместе с тем, говоря «ты», можно проявить исключительное пренебрежение к человеку и даже нарочитую грубость». На «вы» следует обращаться к людям взрослым. «Вы» — желательная форма обращения и к старшеклассникам, но подростковая дистанцированность от взрослых и корпорированность, сохраняющиеся в этом возрасте, могут ставить нас в двусмысленное положение. Будем помнить следующее.

«Вы»-этикет дисциплинирует, не позволяет человеку распускаться и чувствовать себя социально несостоятельным, но со времён Пушкина антиномия «пустого вы» и

«сердечного ты» не утратила характеристических признаков. «Вы» делает основой взаимоотношений не дружбу и не взаимодействие единомышленников, а чисто деловые отношения, практическую необходимость. Поэтому принятие «вы»-этикета в общении с теми же старшекласниками может привести к формализации отношений. Достоевский в «Дневнике писателя» рассказывает о школе, где к воспитанникам обращаются только на «вы»; это учебное заведение имеет свою специфику, однако многие соображения писателя актуальны для школы любого типа:

«Это вы показалось мне здесь несколько как бы натянутым, немного как бы чем-то излишним. Может быть, мальчики, попав сюда, сочтут это лишь за господскую затею. Одним словом, это вы, может быть, ошибка и даже несколько серьезная. Мне кажется, что оно как бы отдаляет от детей воспитателя; в вы заключается как бы нечто формальное и казенное, и нехорошо, если иной мальчик примет его за нечто как бы к нему презрительное. <...> Одним словом, ты, по-моему, было бы более похожим на реальную правду в настоящем случае, а тут как бы все немного притворяются».

(Достоевский Ф.М. Дневник писателя. М., 1989. С. 122)

Как ни заманчиво «Вы»-обращение гимназических педагогов и учителей к воспитанникам в произведениях классики, большинство учеников не увидит самого дружеского расположения, если такое обращение скрыто под маской нарочитой благопристойности. Иными словами, следование высокому этикету тоже не всегда уместно: если оно вызывает двусмысленное истолкование, навязывать его не стоит.

Русский речевой этикет становится понятен, если обратиться к отношениям, зафиксированным в письменных источниках. Б.А. Успенский приводит письмо Третьяка Васильева к своему младшему брату, написанное не позднее 1638 г. Автор письма укоряет младшего брата в честолюбии, поскольку тот подписывался в своём письме «братом», а не «братишкой», как следовало по этикету: *«Мочно было тебе закона ради и менши того — и братишком написаца ко мне».* И сегодня умение точно передать характер взаимоотношений, верно обращаясь к собеседнику и столь же точно обозначая себя, принципиально при любом диалоге.

Когда учитель говорит с аудиторией ребят, — не может один из мальчишек быть «Александром», а другой — «Серегой»; не может одна из девочек быть «Екатериной»,

Практика

другая — «Валюшей». Неуместно, называя одного из учеников «Лешей», другого величать «Алексеем», — справедливо недоумевать будут оба. «*Какой же я Паша! Я Павлик!*» — заявляет семиклассник: он к этому привык дома и в классе. «*Я не Сережа, а Сергей*», — поправляет нового педагога ученик, которого «Сережей» называла бабушка, когда маленький внук начинал плакать. «*Мы с вами не в футбол играем*», — прерывает учителя старшеклассник, к которому тот обратился по формуле приятеля: «*Димон!*».

— *А что скажет Мудрый?* — иронично обращается учитель к семикласснику по имени Ярослав, которого в классе товарищи единодушно величают Мудрым. Но, услышав такое обращение, даже безобидное, в устах учителя, подросток вспыхнул и надулся. Сколь бы тесные отношения ни связывали учителя с ребятами, использовать подростковый микроэтикет в общении с ними ему нельзя. Всякое подражание педагога воспитанникам, и прежде всего при обращении, неуместно.

Соединение фамилии и имени при обращении придаёт диалогу канцелярски-формальный оттенок. Вспомним: в пародируемом Вл. Дорошевичем гимназическом общении учеников называют исключительно

по модели «*фамилия + имя*» («*Мозгов Николай*», «*Патрикеев Клавдий*»), что высмеивается наиболее остро. В то же время последовательная модель «*имя (по модели: Миша, Ира, Катя) + фамилия*» вполне естественна, но не при обращении.

Русская гимназическая традиция — название друга друга по фамилии даже учащимися одного класса или курса. Это отражено на страницах произведений Ф.М. Достоевского, Н.Г. Гарина-Михайловского, Л.Н. Толстого. Гимназисты стремились выглядеть более взрослыми (обращение по фамилии предусматривало диалог зрелых людей), студенты — самостоятельными творцами собственной жизни.

Требование, приказ — речевая ситуация, исключая всякое нарушение этикета. Требование исполняется тогда, когда оно сообщается чётко, уверенно, кратко, но и — подчеркнуто вежливо. А.С. Макаренко, как и диалогист О. Розеншток-Хюсси, считает умение приказывать и подчиняться одним из важнейших в воспитании человека, стимулом прогресса. Если говорить о взаимоотношениях с аудиторией, — тон приказа, требования должен быть твёрдым, спокойным и корректным, что указывает на обдуманность речи. Некоторая акцентированность достигается умелой расстановкой

пауз и чуть более медленным и чётким, чем остальной текст, произнесением.

- Неуместны в функции требования инфинитивы, не связанные с логикой: «*Открыть тради!*», «*Смотреть на доску!*» Это усиливает эффект внезапности, хаотичности, что противоречит логике общения с аудиторией.

- Нежелательны при формулировании требования эллиптические структуры типа: «*Внимание — на текст книги!*», «*Устно — упражнение третье. Сидорова!*». Это выдаёт торопливость, неуверенность, за которыми аудитория чувствует отсутствие знаний.

- Неуместен приказ, выраженный глаголами в прошедшем времени: «*Отошел в сторону!*», «*Вышли из-за столов!*», «*Посмотрел в книгу!*». Это употребление изъявительного наклонения вместо повелительного, при котором высказывание грамматически неуместно.

- В повелительном наклонении неуместны глаголы несовершенного вида: «*Выходи!*», «*Иди!*», «*Читай!*», «*Расскажи!*». Это подменяет этикет излишней категоричностью и грубостью, которая неуместна всегда. Действие обычно однократно, и глаголы совершенного вида («*Выйди!*», «*Расскажи!*») здесь более приемлемы.

- Требование становится чётким, корректным и нацеливаю-

щим на совместное решение задач, если его формулировка включает инклюзивные конструкции, объединяющие говорящего и аудиторию («*Сегодня мы с вами...*», «*Займемся исследованием...*», «*Посмотрим вместе на это явление...*»). Это мобилизует аудиторию и сопоставимо с приглашением к диалогу.

- Нельзя говорить о присутствующем, называя его с самого начала в форме местоимения 3-го лица — «*он*», «*она*»; тем более некорректно это как формулирование требования: «*Вот он пусть отвечает!*», — фраза безграмотная и этически, и грамматически, и психологически.

«В языке повседневном, — пишет З.С. Смелкова, — и интонацию приказа, и соответствующие языковые средства явно нецелесообразно использовать: возможен негативный характер воздействия такого обращения». Не всегда! Важно внимательно следить за интонационным оформлением приказа, за продумыванием его формулировки. Не следует злоупотреблять и куртуазной вежливостью, своего рода книксенами — на самом деле фактами речевой избыточности: «*Леночка, пожалуйста, если тебе не трудно, ответь на вопрос...*»

Вопрос, задаваемый собеседнику или аудитории, — всегда важнейшее звено речевого поведения. Философ Э.В. Иль-

Практика

енков считает, что учиться мыслить человек начинает тогда, когда учится грамотно задавать вопросы. Прежде чем задать вопрос, важно привлечь внимание собеседника. Если это случайный прохожий, у которого нужно узнать дорогу, — начинать общение нужно только с приветствия, причём исключающего всякий намёк на фамильярность или близость. Неуместна отрицательная форма вопроса: «*Не скажете ли вы?...*», «*Не могу ли я?...*» Кстати, нельзя просить «подсказать»: подсказка предполагает секретную реплику, скрытую от других; мы же, обращаясь за какой-либо информацией, не претендуем на секретничанье, — а потому просим «сказать», а не «подсказать». Этикетные формулы «вхождения» в вопрос — это приветствие, если перед нами человек, с которым мы не общались до этого и у которого надо что-то узнать, или «будьте любезны», — после чего звучит просьба.

Задавая вопрос в аудитории, мы должны именно спрашивать, интересоваться, готовясь извлечь что-то новое и для себя, а не экзаменовать и не готовиться заранее обвинять собеседника в незнании. Задавая вопрос, мы должны дать почувствовать, что сами заинтересованы в ответе; сила вопроса — в возможности вместе с собеседником отыскать

истину, а не навязать очевидную для себя точку зрения. Сродни вопросу спор, который когда-то представлял собой целое искусство. А. Менг говорит о Сократе:

«Его манера вести спор располагала и заинтриговывала: он... казалось, готов был дать спорщику положить себя на лопатки. А кому не хотелось выйти победителем? Однако в итоге Сократ приводил в замешательство любого остролова».

(Менг А.В. История религии: В 7 т. Т. 4. М., 1992. С.128)

Задающему вопрос важно уметь выслушать ответ, вникнуть в его нюансы. В.А. Кан-Калик подчеркивает, что «непонимание, конфликты, межличностный дискомфорт часто связаны... с неумением слушать партнёра по общению». И, услышав ответ, важно оценить реплику собеседника, а главное — принятие им диалога, готовность взаимодействовать с нами.

Исправление ошибки — тот момент наших взаимоотношений, который всегда порождает множество вопросов. А может, ошибку просто не заметить? Рассказывая о знатоке Шекспира, который ничего не сказал, услышав неверное цитирование, Дейл Карнеги замечает:

«Критика бесполезна потому, что она заставляет челове-

ка обороняться и, как правило, — стремиться оправдать себя. Критика опасна потому, что она наносит удар по его гордыне, задевает чувство собственной значительности и вызывает у него обиду.

В немецкой армии солдату не разрешается подавать жалобу и высказывать критические замечания немедленно после того или иного происшествия. Сначала он должен выпасться и остыть. Если он подаёт жалобу сразу же, его наказывают. Ей-богу, подобное правило должно было бы действовать и в гражданской жизни...»

(Карнеги Дейл. Как завоевывать друзей и оказывать влияние на людей... Минск, 1990. С. 34)

Значит, не замечать ошибку, сделанную собеседником? — Не замечать и спокойно продолжать говорить с ним, если его точка зрения не меняет содержание беседы и не влияет на других слушателей, на их суждения о предмете разговора. Если же необходимость исправить видна, если исправления не избежать, — не следует перебивать собеседника на незавершенной фразе, вышучивать его, применять софистические уловки («А знаешь, что было Иванову, когда он сказал подобное?»). Лучше дождаться завершения фразы или суждения — и либо исправить ошибку непосредственно,

либо сопоставлением с доказанным и общепринятым (закон достаточного основания). Важно, чтобы ошибку увидел допустивший её, чтобы он сам вспомнил правило и закон, нарушенные им. А наиболее уместно сделать так, чтобы сам допустивший ошибку захотел её исправить. Исправив, он, во-первых, признается самому себе, что был не прав. Во-вторых, он запомнит верное решение, ведь оно пришло к нему самому, он сам сформулировал ответ.

Услышав ошибку, не стоит констатировать: «*Это неверно*». Такая реплика обижает человека не меньше оскорбления. Не стоит начинать с оценки, причём столь резкой; важно, чтобы собеседник не стал противником, которого уже никто ни в чем не убедит.

Начало исправления ошибок — изложение фактов, которыми они противоречат, аргументов, в духе совместного поиска истины.

Бывает речевое поведение, которое неуместно всегда. Итак, неуместно следующее.

- Неуместно протягивать руку для приветствия, увидев старшего наставника или друга отца: первым слова приветствия произносит младший из встретившихся мужчин или мужчины, увидевший женщину; но руку для рукопожатия первым подаёт старший.

Практика

- Неуместно обращаться к другому, не дожидаясь, пока он нас увидит и повернется к нам, как неуместно всякое речевое поведение, доставляющее другому волнение или дискомфорт. Вполне возможно, что знакомый, не увидевший нас, торопится или занят своими мыслями, поэтому окликать его: «Здравствуйте!», чтобы он помедлил и обернулся, неучтиво, а значит, не делать этого следует.
- Неуместна попытка привлечь к себе всеобщее внимание, нарушая стилистику и содержание общего разговора или поведения (например, подчеркнуто серьезное поведение на вечеринке, веселый хохот — на торжественном собрании и т.д.). У В.Г. Бенедиктова «бездомный скиталец — пустынный певец» характеризуется так:

Он странен; исполнен
несбыточных дум,
Бывает он весел — ошибкой;
Он к людям на праздник
приходит — угрюм,
К гробам их подходит —
с улыбкой;
Всеобщий кумир их ему
не кумир; —
Недаром безумцем зовёт его
мир!

Последняя строчка как нельзя лучше показывает, почему не следует делать этого, а всеобщее внимание, привле-

ченное подчеркнуто странным поведением, отличающимся от общего, — не вхождение в диалог, а как раз наоборот.

- Неуместно на вопрос в деловой беседе стараться отвечать вопросом, в особенности когда нужно выяснить у начальника подробности сказанного им. Ответ вопросом на вопрос — одна из софистических уловок в споре, и люди, даже не зная этого, подсознательно чувствуют неуместность подобного «пинг-понга».

• Неуместно обращаться постоянно к одному из собравшихся, давая понять другим, что их мнение не особенно интересно. Когда мы говорим с кем-то из компании, — наше внимание должно в равной мере принадлежать всем; ни в коем случае нельзя обращаться при этом только к одному из собравшихся. Тех из группы, кто не чувствует себя осведомленным в вопросе, нужно кратко ввести в суть дела (помня, что слушают нас и остальные), а после этого постоянно давать понять, что нам интересно мнение всех, кто участвует в диалоге.

А теперь о том, что при своей неуместности не может рассматриваться как серьезное нарушение этикета, но способно оказаться ошибкой само по себе.

- Неуместны слова: «*супруг*» (вместо «*муж*»), «*кушать*» (вместо «*есть*»), «*отдыхает*»

(вместо «спит»), «*извиняюсь*» (вместо: «извините») — речь от этих замен становится не деликатной, а вычурно-манерной. «Супруг» происходит от старославянского корня со значением «стянуть, соединить, запрячь»; само слово «супруг» означало упряжку — точнее, ремень, эту упряжку стягивающий. Сегодня «супруг», «супруга» — слова делового и торжественного этикета; за его пределами их употребление неуместно. Слово «кушать», имеющее в обычном словоупотреблении оттенок мещански-манерного просторечия, принято употреблять только по отношению к ребёнку. «Отдыхает» также звучит манерно и просторечно, когда обозначают сон; так и следует говорить — «спит». «Извинять» сам себя человек не может; формулируя просьбу, он так и должен говорить, употребляя глагол в повелительном наклонении, — «извините»; форма «извиняйте» является грубой ошибкой: глаголы несовершенного вида в повелительном наклонении имеют значение чересчур категорического требования, а «извиняйте» — ещё и факт просторечия.

- Неуместно начало общения, письма к кому-либо, начатые с местоимения «я», с изложения собственных проблем, со своей точки зрения на проблему, противоречащей остальным. Это

не ошибка, но «я» в начале любого монолога — как устного, так и письменного, — свидетельствует о неодолимом эгоизме говорящего и о полном безразличии к собеседнику. Если важна информация, подаваемая от первого лица, и это первое лицо невозможно заметить, — следует убрать подлежащее из первой фразы: «*Напоминаю...*» (вместо: «*Я напоминаю*») и т.д. Но будем помнить: каждый хочет услышать о собственных проблемах, и именно услышав о них, он станет внимательным и заинтересованным собеседником, — поэтому в начале любого обращения говорящий должен избегать первого лица.

- Нежелательно (точнее, вполне допустимо, но лишь для ситуации непринуждённого общения) начало письма в виде приветствия: «*Здравствуй(те)*», «*Добрый день*». Это также не ошибка, однако самим фактом письма, тем более обращения к адресату пишущий приветствует его; а значит, форма «Здравствуй(те)» и под. прозвучит в этих обстоятельствах как досадный плеоназм. Поэтому началом письма лучше сделать обращение к адресату.

- Нежелателен ответ: «*Пожалуйста*» на «*Спасибо*». Значение слова «спасибо» — это «*Спаси (вас) бог!*», и ответное пожелание может быть таким

Практика

же. «Спасибо!» в ответ на «Спасибо!» — отнюдь не ошибка, как и «На здоровье!», «Не стоит благодарности!» Но «*Пожалуйста*» («Пожалуй-ка» — «Награди-ка») неуместно и странно.

- Неуместно акцентировать реакцию: «*Будь здоров!*», услышав чихнувшего человека. Тот менее всего хотел бы оказаться услышанным, и мы должны дать ему понять, что не стали свидетелями его конфуза, — попросту не заметить неловкости. Конечно, он может поблагодарить нас за пожелание здоровья, однако просто обязан смутиться, услышав, что его неловкость замечена.

- Неуместно начинать деловой звонок по мобильному телефону, не уточнив, может ли говорить собеседник, не занят ли он в данный момент.

Основа этикета — уважение и к другим, и к себе. Умение уважать себя, необходимое каждому из нас, чтобы говорить точно, логично, ясно, уместно, предполагает, что мы не позволим себе говорить о том, чего не знаем. Однако наша профессиональная, речевая и

предметная осведомленность может вызвать сомнения при очевидном стремлении к излишней откровенности, патетичности или аффективному самоуважению.

Неуместно как самовосхваление, так и самоуничижение. Всегда неуместно злоупотребление фактами своей биографии, сообщениями о своём здоровье и настроении. Длинные, пустые, не имеющие смысла тирады неуместны всегда. Многочисленные «*как бы*», «*типа*», и просто «э-э-э» через каждое слово — неуместны, к тому же не способствуют ни речевой краткости, ни чистоте, являясь «словами-паразитами».

Уместность речи — её качество, которое делает диалог грамотным и комфортным; уместность способствует созданию ситуации общения, когда возникает та «размена чувств и мыслей», которая привлекает ребят на уроке и делает общение желанной целью, а процесс передачи и восприятия информации — значительно более интересным и актуальным.